

**АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
МИХАИЛ МЕЛЬТЮХОВ
МИРОСЛАВ МОРОЗОВ**

**МИФЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Мифы Великой Отечественной

Алексей Исаев

**Мифы Великой
Отечественной (сборник)**

«Яуза»

2010

Исаев А. В.

Мифы Великой Отечественной (сборник) / А. В. Исаев —
«Яуза», 2010 — (Мифы Великой Отечественной)

В первые дни войны Сталин находился в полной прострации. В 1941 году немцы «гнали Красную Армию до самой Москвы», так как почти никто в СССР «не хотел воевать за тоталитарный режим». Ленинградская блокада была на руку Сталину желавшему «заморить оппозиционный Ленинград голодом». Гитлеровские военачальники по всем статьям превосходили бездарных советских полководцев, только и умевших «заваливать врага трупами». И вообще, «сдались бы немцам – пили бы сейчас «Баварское»!». Об этом уже который год твердит «демократическая» печать, эту ложь вбивают в голову нашим детям. И если мы сегодня не поставим заслон этим клеветническим мифам, если не отстоим свое прошлое и священную память о Великой Отечественной войне, то потеряем последнее, что нас объединяет в единый народ и дает шанс вырваться из исторического тупика. Потому что те, кто не способен защитить свое прошлое, не заслуживают ни достойного настоящего, ни великого будущего!

© Исаев А. В., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Павел Сутулин. Был ли Сталин союзником Гитлера?	5
Олег Рубецкий. Была ли прострация у Сталина в первые дни войны?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Исаев, Михаил Мельтюхов, Мирослав Морозов Мифы Великой Отечественной

Павел Сутулин. Был ли Сталин союзником Гитлера?

В исторических и преимущественно околосторических публикациях и дискуссиях последнего времени довольно распространено мнение, что СССР с 23 августа 1939 г. был союзником Германии, что проявилось прежде всего в совместном с Германией захвате Польши. Нижеследующий текст имеет целью продемонстрировать читателям, что рассмотрение подробностей польской кампании не дает оснований для подобных выводов.

Прежде всего необходимо отметить, что вопреки расхожему заблуждению СССР не связывал себя никакими официальными обязательствами по вступлению в войну с Польшей. Ни в секретном дополнительном протоколе к Договору о ненападении между Германией и СССР, ни тем более в самом договоре, разумеется, ничего подобного прописано не было. Тем не менее уже 3 сентября 1939 г. Риббентроп отправил послу Германии в СССР Ф.В. Шуленбургу указание поинтересоваться у Молотова, «не почитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию», добавив при этом, что это «было бы и в советских интересах»¹. Подобные завуалированные просьбы Германии о вводе советских войск в Польшу имели место и позднее². Молотов еще 5 сентября ответил Шуленбургу, что «в подходящее время» СССР «будет совершенно необходимо начать конкретные действия»³, однако именно к действиям Советский Союз переходить не спешил. Причин к тому было две. Первую 7 сентября прекрасно сформулировал Сталин: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга»⁴. Примерно такой же линии поведения позже придерживалась и Германия во время «Зимней войны». Больше того, рейх в то время еще и в меру возможностей, стараясь особенно не злить СССР, поддерживал Финляндию. Так, в самом начале войны Берлин отправил финнам партию из 20 зенитных орудий⁵. Тогда же Германия разрешила поставить из Италии в Финляндию транзитом через свою территорию 50 истребителей Fiat G.50⁶. Однако после того, как СССР, которому стало известно об этих поставках, 9 декабря заявил рейху официальный протест, Германия была вынуждена прекратить транзит через свою территорию⁷, поэтому таким путем в Финляндию успело попасть всего две машины. И все же даже после этого немцы нашли довольно оригинальный способ оказания помощи Финляндии: в конце 1939 г. переговоры Геринга со шведскими представителями привели к тому, что Германия начала продавать

¹ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 3 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. – М., 2004. С. 89.

² Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 8 сентября 1939 г. // Там же. С. 94.

³ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 5 сентября 1939 г. // Там же. С. 90.

⁴ Дневник генерального секретаря ИККИ Г.М. Димитрова // Материалы сайта <http://bdsa.ru>.

⁵ Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. – М., 1999. С. 193.

⁶ Зефирова М.В. Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе: Эстония. Латвия. Финляндия. – М., 2003. С. 162.

⁷ Барышников В.Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны» // Материалы сайта <http://www.history.ru>.

Швеции свое вооружение, а Швеция обязана была такое же количество оружия из своих запасов продавать Финляндии⁸.

Вторая причина, по которой СССР предпочитал не форсировать начало военных действий против Польши, была донесена из германского руководства, когда во время беседы с Шуленбургом 9 сентября Молотов *«заявил, что советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»*⁹. Кстати, дальнейшая судьба этого советского предложения для нападения на Польшу хорошо иллюстрирует, насколько готов был СССР идти на уступки Германии.

15 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу телеграмму, в которой так высказался о намерении Советского Союза представить свое вторжение в Польшу как акт защиты родственных народов от германской угрозы: *«Указание мотива такого сорта действие невозможное. Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными зонами германского влияния. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве, и, наконец, вопреки выраженному обеими сторонами желанию иметь дружеские отношения, представит всему миру оба государства как врагов»*¹⁰. Однако когда Шуленбург передал Молотову это заявление своего шефа, тот ответил, что хотя планируемый советским руководством предлог и содержит в себе «ноту обидную для чувств немцев», однако другого повода для ввода войск в Польшу СССР не видит¹¹.

Таким образом, мы видим, что СССР, исходя из изложенных выше соображений, не собирался вторгаться в Польшу до того момента, как она исчерпает возможности к сопротивлению Германии. Во время очередного разговора с Шуленбургом 14 сентября Молотов заявил, что для СССР «было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава»¹². И вполне вероятно, что в случае эффективных оборонительных действий польской армии против Германии, и тем более в случае реального, а не формального вступления в войну Англии и Франции, Советский Союз вообще отказался бы от идеи присоединения Западных Украины и Белоруссии. Однако союзники de facto не оказали Польше вообще никакой помощи, а в одиночку она была не в состоянии оказать сколько-либо ощутимое сопротивление Вермахту.

К моменту введения советских войск в Польшу и военная, и гражданская польские власти потеряли какие-либо нити управления страной, а армия представляла собой разрозненные, не имеющие связи ни с командованием, ни друг с другом группки войск разной степени боеспособности. К 17 сентября немцы вышли на линию Осовец – Белосток – Бельск – Каменец-Литовск – Брест-Литовск – Влодава – Люблин – Владимир-Волынский – Замосць – Львов – Самбор, тем самым оккупировав уже около половины территории Польши, заняв Краков, Лодзь, Гданьск, Люблин, Брест, Катовице, Торунь. Варшава с 14 сентября находилась в осаде. Еще первого сентября город покинул президент И. Мосцицкий, а 5 сентября – правитель-

⁸ Барышников В.Н. К вопросу о германской военно – политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны» // Материалы сайта <http://www.history.ru.ru>.

⁹ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 10 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР– Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 95–96.

¹⁰ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Там же. С. 101.

¹¹ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 16 сентября 1939 г. // Там же. С. 103.

¹² Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 14 сентября 1939 г. // Там же. С. 98

ство¹³. 9—11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища,

16 сентября – с Румынией о транзите и, наконец, 17 сентября покинуло страну¹⁴. Впрочем, решение об эвакуации, по всей видимости, было принято еще раньше, поскольку уже 8 сентября посол США в Польше, сопровождавший польское правительство, отправил в Государственный департамент сообщение, которое, в частности, гласило, что «польское правительство покидает Польшу... и через Румынию... отправляется во Францию»¹⁵. Главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы продержался в Варшаве дольше всех, но и он покинул город в ночь на 7 сентября, переехав в Брест. Впрочем, и там Рыдз-Смиглы надолго не задержался: 10 сентября ставка была перенесена во Владимир-Волынский, 13-го – в Млынов, а 15-го – в Коломью близ с румынской границей¹⁶. Разумеется, нормально руководить в таких условиях войсками главнокомандующий не мог, и это только усугубило хаос, возникший вследствие быстрого продвижения немцев и неразберихи на фронте. На это накладывались еще и возникшие проблемы со связью. Так, ставка в Бресте имела связь только с одной из польских армий – «Люблин»¹⁷. Характеризуя сложившуюся в тот момент в ставке ситуацию, заместитель начальника Главного штаба подполковник Яклич докладывал начальнику штаба Стахевичу: «У нас целый день постоянные поиски войск и высылка офицеров для восстановления связи... С внутренней организацией в крепости Брест большой балаган, который я должен сам ликвидировать. Постоянные налеты авиации. В Бресте бегство во все стороны»¹⁸. Однако страну покидало не только руководство: 16 сентября началась эвакуация на аэродромы Румынии польской авиации¹⁹. Наиболее боеспособные корабли польского флота: эсминцы «Blyskawica», «Grom» и «Burza» были передислоцированы в английские порты еще 30 августа 1939 г. Изначально предполагалось, что они в качестве рейдеров будут действовать по немецким коммуникациям, нарушая торговое судоходство Германии²⁰, однако каких-либо успехов в этом деле польские корабли не достигли, а их отсутствие в портах Польши негативно сказалось на боеспособности польского флота. С другой стороны, именно базирование в Британии спасло эти эсминцы от судьбы всего остального польского флота и позволило продолжать борьбу с немцами в составе КВМС уже после разгрома Польши. В ходе единственного своего крупного контрнаступления на р. Бзуре, начавшегося 9 сентября, польские войска в составе армий «Познань» и «Поможе» уже к 12 сентября потеряли инициативу, а 14 сентября были окружены немецкими войсками²¹. И хотя отдельные части окруженных армий продолжали сопротивление вплоть до 21 сентября, как-либо повлиять на исход войны они уже не могли. В условиях очевидной неспособности Польши оборонять свои западные рубежи 10 сентября Главный штаб выпустил директиву, согласно которой главной задачей армии становилось «стягивание всех войск в направлении на Восточную Польшу и обеспечение соединения с Румынией»²². Характерно, что эта директива стала последним общеармейским приказом главнокомандующего, однако и ее все из-за тех же проблем со связью получили не все части. После выхода этого приказа сам Рыдз-Смиглы, как уже

¹³ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М., 2001. С. 251.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Прибыло В.И. «Захват» или «воссоединение». Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г. // Материалы сайта <http://katynbooks.narod.ru>.

¹⁶ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 251.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 252.

¹⁹ Котельников В. Авиация в советско-польском конфликте // Материалы сайта <http://www.airwiki.or>.

²⁰ Побережец С. Германо-польская война 1939 г. // Материалы сайта <http://wartime.narod.ru>.

²¹ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 266.

²² Там же. С. 261.

говорилось выше, покинул Брест и двинулся как раз в направлении, обозначенном в директиве, – поближе к Румынии.

Таким образом, ввиду эффективных действий немцев, дезорганизации армии и неспособности руководства организовать оборону государства, к 17 сентября поражение Польши было совершенно неизбежно.

Фотография № 1

Фотография № 2

Показательно, что даже английский и французский генеральные штабы в подготовленном 22 сентября рапорте отмечали, что СССР начал вторжение в Польшу только тогда, когда ее окончательное поражение стало очевидным²³.

У читателя может возникнуть вопрос: а не было ли у советского руководства возможности дожидаться полного крушения Польши? Падения Варшавы, окончательного разгрома даже остатков армии, а возможно, и вовсе полной оккупации всей польской территории Вермахтом с последующим возвращением Западных Украины и Белоруссии Советскому Союзу в соответствии с советско-немецкими договоренностями? К сожалению, такой возможности у СССР не было. Если бы Германия действительно оккупировала восточные районы Польши, вероятность того, что она вернула бы их Советскому Союзу, была крайне мала. В руководстве рейха вплоть до середины сентября 1939 г. обсуждалась возможность создания на территориях Западных Украины и Белоруссии марионеточных правительств²⁴. В дневнике начальника штаба ОКХ Ф. Гальдера в записи от 12 сентября имеется такой пассаж: «Главкомандующий прибыл с совещания у фюрера. Возможно, русские не будут ни во что вмешиваться. Фюрер хочет создать государство Украина»²⁵. Именно перспективой возникновения на востоке Польши новых территориальных образований Германия пыталась запугать руководство СССР с целью ускорить ввод советских войск в Польшу. Так, 15 сентября Риббентроп просил Шуленбурга «немедленно передать господину Молотову», что, «если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум. Поскольку мы, со своей стороны, не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных операций, без такой интервенции со стороны Советского Союза [в Восточной Польше] могут возникнуть условия для формирования новых государств»²⁶.

²³ Прибылое В.И. Указ. соч.

²⁴ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 291.

²⁵ Гальдер Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939–1941. – М., 2007. С. 55.

²⁶ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 100–101.

Фотография № 3

Фотография № 4

Хотя, как видно из этой инструкции, Германия, конечно же, отрицала свое участие в возможном создании «независимых» государств в Восточной Польше, надо полагать, советское руководство иллюзий на этот счет не питало. Впрочем, даже несмотря на своевременное вмешательство СССР в германо-польскую войну, определенные проблемы из-за того, что немецким войскам к 17 сентября удалось занять часть Западной Украины, все же возникли: 18 сентября заместитель начальника штаба оперативного управления ОКВ В. Варлимонт показал исполняющему обязанности военного атташе СССР в Германии Белякову карту, на которой Львов находился западнее демаркационной линии между СССР и Германией, то есть входил в будущую территорию рейха, что являлось нарушением секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении в отношении раздела сфер влияния в Польше. После предъявления претензий со стороны СССР немцы заявили, что все советско-германские договоренности остаются в силе, а военный атташе Германии Кестринг, пытаясь объяснить такое нанесение границы, сослался на то, что это была личная инициатива Варлимонта²⁷, однако представляется маловероятным, чтобы последний чертил карты исходя из каких-то своих собственных соображений, идущих вразрез с инструкциями руководства рейха. Показательно, что необходимость советского вторжения в Польшу признавали и на Западе. Черчилль, занимавший тогда пост первого лорда адмиралтейства, заявил 1 октября в выступлении по радио, что «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии сто-

²⁷ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 325–328.

яли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть»²⁸. Позиция союзников по вопросу вступления РККА в Польшу вообще интересна. После того как СССР 17 сентября заявил о своем нейтралитете по отношению к Франции и Англии²⁹, эти страны также решили не идти на обострение отношений с Москвой. 18 сентября на заседании английского правительства было решено даже не заявлять протеста на действия Советского Союза, поскольку Англия брала на себя обязательства защищать Польшу только лишь от Германии³⁰. 23 сентября нарком внутренних дел Л.П. Берия информировал наркома обороны К.Е. Ворошилова о том, что «резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил, что 20 сентября с. г. Министерство Иностранных Дел Англии послало телеграмму всем английским посольствам и пресс-атташе, в которой указывает, что Англия не только не намерена объявлять Советскому Союзу войну сейчас, но должна оставаться в возможно лучших отношениях»³¹. А 17 октября англичане заявили, что Лондон хочет видеть этнографическую Польшу скромных размеров и о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии не может быть и речи³². Таким образом, союзники, по сути, легитимизировали действия Советского Союза на территории

Польши. И хотя мотивом такой гибкости Англии и Франции было в первую очередь их нежелание провоцировать сближение СССР и Германии, сам факт того, что союзники выбрали именно такую линию поведения, говорит о том, что они понимали, насколько напряженными по-прежнему остаются отношения между Советским Союзом и рейхом и что августовские договоренности – всего лишь тактический маневр. Помимо политических реверансов Британия попыталась также наладить и торговые отношения с СССР: 11 октября на советско-английских переговорах было принято решение о возобновлении поставок советского леса в Британию, которые были приостановлены из-за того, что Англия после начала войны стала задерживать суда СССР с грузами для Германии. В свою очередь, англичане обязались прекратить подобную практику³³.

Подводя промежуточные итоги, мы можем отметить, что в начале сентября Советский Союз не только не горел желанием каким бы то ни было образом помогать Германии в борьбе с Войском Польским, но и намеренно оттягивал начало «освободительного похода» вплоть до того момента, когда полное поражение Польши стало совершенно очевидным, а дальнейшее промедление с вводом советских войск могло закончиться тем, что Западная Украина и Западная Белоруссия в той или иной форме попали бы под влияние Германии.

А теперь перейдем собственно к рассмотрению подробностей взаимодействия Вермахта и РККА. Итак, 17 сентября советские войска силами Украинского (под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко) и Белорусского (под командованием командарма 2-го ранга М.П. Ковалева) фронтов вторглись в восточные районы Польши. Кстати, интересно, что, хотя освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии было лишь предлогом для ввода советских войск в Польшу, с населением этих территорий советские войска действительно преимущественно обращались как освободители. В приказе Военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября подчеркивалось, что «наш революционный долг и обязанность оказать безотлагательную помощь и поддержку нашим братьям белорусам и украинцам, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов... Мы идем не как завоеватели, а как освобо-

²⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. – М., 1991. С. 204.

²⁹ Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 года послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР// Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 107.

³⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 354.

³¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002. С. 152.

³² Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 355.

³³ Там же. С. 356.

дители наших братьев белорусов, украинцев и трудящихся Польши»³⁴. Директивой Ворошилова и Шапошникова Военсовету БОВО от 14 сентября предписывалось «избегать бомбардировки открытых городов и местечек, не занятых крупными силами противника», а также не допускать «никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах»³⁵. В директиве начальника Политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса напоминалось «о строжайшей ответственности за мародерство по законам военного времени. Комиссары, политруки и командир, в частях которых будет допущен хотя бы один позорный факт, будут строго наказаны, вплоть до придания суду Военного Трибунала»³⁶. О том, что этот приказ не был пустой угрозой, прекрасно свидетельствует тот факт, что в ходе войны и после ее окончания Военным Трибуналом было вынесено несколько десятков обвинительных приговоров по военным преступлениям, которые, к сожалению, все-таки имели место в ходе польской кампании³⁷. Начальник Главного штаба Войска Польского В. Стахевич отмечал: «Советские солдаты не стреляют в наших, всячески демонстрируют свое расположение»³⁸. Отчасти именно благодаря такому отношению Красной Армии польские войска очень часто не оказывали ей сопротивления, сдаваясь в плен. Именно таким результатом закончилось большинство столкновений частей РККА и Войска Польского. Прекрасной иллюстрацией этого факта является соотношение погибших в боях с Красной Армией и попавших в плен к ней солдат и офицеров польских войск: если первых насчитывается всего 3500 человек, то вторых – 452 500³⁹. Польское население также вполне лояльно относилось к Красной Армии: «Как свидетельствуют документы, например, 87-й стрелковой дивизии, «во всех населенных пунктах, где проходили части нашей дивизии, трудящееся население встречало их с великой радостью, как подлинных освободителей от гнета польских панов и капиталистов, как избавителей от нищеты и голода». То же мы видим и в материалах 45-й стрелковой дивизии: «Население везде радо и встречает Красную Армию как освободительницу. Крестьянин села Острожец Сидоренко заявил: «Скорее бы установилась Советская власть, а то 20 лет польские паны сидели на наших шеях, высасывали из нас последнюю кровь, а теперь наконец пришло время, когда нас Красная Армия освободила. Спасибо тов. Сталину за освобождение от кабалы польских помещиков и капиталистов»⁴⁰. Причем нелюбовь белорусского и украинского населения к «польским помещикам и капиталистам» выражалась отнюдь не только в доброжелательном отношении к советским войскам, но и в открытых антипольских восстаниях в сентябре 1939 г.⁴¹. 21 сентября замнаркома обороны командарм 1 – го ранга Г.И. Кулик докладывал Сталину: «В связи с большим национальным угнетением поляками украинцев у последних чаша терпения переполнена и, в отдельных случаях, имеется драка между украинцами и поляками, вплоть до угрозы вырезать поляков. Необходимо срочное обращение правительства к населению, так как это может превратиться в большой политический фактор»⁴². А Мехлис в

³⁴ Приказ № 005 Военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября // Катень. Пленники необъявленной войны (материалы сайта <http://katynbo oks.narod.ru>).

³⁵ Директива № 16633 наркома обороны К.Е. Ворошилова и начальника генштаба РККА Б.М. Шапошникова Военному совету Белорусского особого военного округа о начале наступления против Польши // Там же.

³⁶ Свищев В.Н. Начало Великой Отечественной войны. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. 2003. С. 194.

³⁷ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 372–380.

³⁸ Прибылое В.И. Указ. соч.

³⁹ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. Документы, факты, суждения. – М., 2008. С. 96.

⁴⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 363.

⁴¹ Борьба против польской оккупации на Западной Украине 1921–1939 гг. // Материалы сайта <http://www.hrono.ru>; Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 307.

⁴² Доклад заместителя народного комиссара обороны СССР командарма 1 – го ранга Г.И. Кулика о боевых действиях частей и соединений Красной Армии на территории Западной Украины и политическом и экономическом положении в этом регионе // Катень. Пленники необъявленной войны.

своем донесении 20 сентября указывал и такой интересный факт: «Польские офицеры... как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной Армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их, как пленных, бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения»⁴³. Таким образом, РККА выполняла на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии в некотором смысле и миротворческие функции. Впрочем, и после присоединения этих районов к СССР их белорусское и украинское население не изменило своего отношения к полякам, хотя это и стало проявляться в несколько иной форме. Так, например, во время выселения из западных областей Украины и Белоруссии осадников и лесной стражи в феврале 1940 г. местное население оных областей восприняло это решение советского правительства с большим энтузиазмом. В спецсообщении Берии Сталину по этому поводу говорится, что «население западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР на выселение осадников и лесной стражи реагирует положительно. В ряде случаев в задержании бежавших осадников местные жители оказывали помощь оперативным группам НКВД»⁴⁴. О том же, но чуть более подробно говорится и в докладе дрогобычской областной тройки НКВД УССР о тех же событиях: «Выселение осадников и работников сторожевой охраны лесов основной массой крестьян обл. с удовольствием одобрялось и всемерно поддерживалось, о чем красноречивее всего говорит факт участия в операции большого количества сельского актива (3285 чел.)»⁴⁵. Таким образом, по крайней мере частью населения отторжение Западных Украины и Белоруссии от Польши действительно воспринималось как освобождение.

Но вернемся к рассмотрению особенностей советско-германского взаимодействия, которое началось с того, что в два часа ночи 17 сентября Сталин вызвал к себе Шуленбурга, объявил о вводе советских войск в Польшу и попросил, «чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток – Брест-Литовск – Лемберг [Львов]. Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга»⁴⁶. Просьба германского военного атташе генерал-лейтенанта Кестринга об отсрочке боевых действий советской авиации, чтобы германское командование смогло принять меры по предотвращению эвентуальных инцидентов, связанных с бомбардировкой районов, занятых Вермахтом, осталась неудовлетворенной. В результате некоторые немецкие подразделения попали под удары советской авиации⁴⁷. И в дальнейшем наиболее яркими эпизодами советско-немецких взаимоотношений являлись не совместные действия по уничтожению остатков польских войск, как должно было бы быть у союзников, а подобные эксцессы, приводившие к жертвам с обеих сторон. Наиболее заметным таким происшествием стало столкновение советских и германских войск во Львове. В ночь на 19 сентября к городу подошел сводный отряд 2-го кавалерийского корпуса и 24-й танковой бригады. В город был введен разведбатальон 24-й тбр. Однако в 8.30 утра части 2-й немецкой горнострелковой дивизии предприняли штурм города, при этом был атакован и советский батальон, несмотря на то что первоначально он не проявлял никакой агрессии. Командир бригады даже выслал в сторону немцев бронемашину с куском нижней рубахи на палке, однако немцы огонь не прекратили. Тогда танки и бронемшины

⁴³ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 367.

⁴⁴ Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о результатах операции по выселению осадников и лесной стражи из западных областей Украины и Белоруссии // Лубянка. Сталин и НКДЦ-НКГБГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2006. С. 142.

⁴⁵ Доклад дрогобычской областной тройки НКВД УССР наркому УССР И.А. Серову об итогах операции по выселению членов семей осадников и лесников // Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005. С. 126.

⁴⁶ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 17 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР– Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 104.

⁴⁷ Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. – М., 2001. С. 107.

бригады открыли ответный огонь. В результате завязавшегося боя советские войска потеряли 2 бронемашину и 1 танк, 3 человека убитыми и 4 ранеными. Потери немцев составили 3 противотанковых орудия, 3 человека убитыми и 9 ранеными. Вскоре стрельба была прекращена и к советским войскам был выслан представитель немецкой дивизии. В результате переговоров инцидент удалось уладить⁴⁸. Однако, несмотря на сравнительно мирное разрешение этого конфликта, встал вопрос, что делать со Львовом. Утром 20 сентября немецкое руководство через Кестринга передало в Москву предложение взять город совместными усилиями, а затем передать его СССР, но, получив отказ, вынуждено было отдать приказ об отводе своих войск. Германское командование восприняло такое решение как «день унижения для немецкого политического руководства»⁴⁹. Во избежание возникновения аналогичных инцидентов 21 сентября на переговорах Ворошилова и Шапошникова с Кестрингом и представителями германского командования полковником Г. Ашенбреннером и подполковником Г. Кребсом был составлен протокол, регламентирующий продвижение советских войск к демаркационной линии и вывод частей Вермахта с занятой ими советской территории.

«§ 1. Части Красной Армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 года, и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 года.

§ 2. Части Германской армии начиная с 22 сентября отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход примерно в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленки, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

§ 3. Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Красной Армии выходят к вечеру 28 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 30 сентября на восточный берег р. Нарев у Остроленки и к вечеру 2 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 4 октября и у Демблина к вечеру 3 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 27 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 29 сентября.

§ 4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Германской армией и приеме Красной Армией районов, пунктов, городов и т. п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий командованием выделяются специальные делегаты.

Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т. п. Германское командование принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности, и обращает особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т. п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

§ 5. При обращении германских представителей к Командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей, или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, Командование Красной Армии (начальники колонн), в слу-

⁴⁸ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 320–321.

⁴⁹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 58.

чае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения.

§ 6. При движении на запад германских войск авиация Германской армии может летать только до линии арьергардов колонн германских войск и на высоте не выше 500 метров, авиация Красной Армии при движении на запад колонн Красной Армии может летать только до линии авангардов колонн Красной Армии и на высоте не выше 500 метров.

По занятию обеими армиями основной демаркационной линии по рр. Писса, Нарев, Висла, р. Сан от устья до истоков авиация обеих армий не перелетает вышеуказанной линии»⁵⁰.

Как мы видим, были предприняты все меры для того, чтобы РККА и Вермахт в ходе действий в Польше вообще друг с другом не соприкасались, – какое уж тут сотрудничество. Впрочем, именно за сотрудничество порой пытаются выдать 4-й и 5-й пункты этого протокола, хотя ничего особенного в них, в общем-то, нет. Немецкая сторона всего-навсего обязуется вернуть СССР в целостности и сохранности те объекты, которые и так ему принадлежат, поскольку находятся на территории, отходящей согласно секретному дополнительному протоколу к Советскому Союзу. Что же касается советского обязательства оказывать помощь небольшим немецким частям в случае, если их продвижению будут мешать остатки польских войск, то тут прослеживается вовсе не стремление СССР сотрудничать с Вермахтом, а как раз таки нежелание иметь с ним какие-либо контакты. Советское руководство настолько хотело как можно быстрее выпроводить немецкие войска со своей территории, что готово было даже конвоировать их до демаркационной линии.

Впрочем, даже этот протокол, сводивший, казалось бы, к минимуму возможность столкновений между советскими и немецкими частями, не смог предотвратить дальнейшие конфликты между ними. 23 сентября у Видомля конный разъезд разведбата 8-й сд был обстрелян пулеметным огнем 6 немецких танков, в результате чего 2 человека было убито и 2 ранено. Ответным огнем советские войска подбили один танк, экипаж которого погиб⁵¹. 29 сентября в районе Вохыни 3 немецкие бронемашинны открыли огонь по саперному батальону 143-й сд⁵². 30 сентября в 42 км восточнее Люблина с немецкого самолета был обстрелян 1-й батальон 146-го спи 179-й гап 44-й сд. Восемь человек получили ранения⁵³.

1 октября прошли очередные переговоры между Ворошиловым и Шапошниковым, с одной стороны, и Кестрингом, Ашенбреннром и Кребсом – с другой, об отводе немецких и советских войск к окончательной границе, которая была определена подписанным 28 сентября советско-германским Договором о дружбе и границе. В отношении мер по предотвращению столкновений между РККА и Вермахтом новое решение договаривающихся сторон в целом повторяло протокол от 21 сентября, однако во избежание происшествий вроде случившегося 30 сентября в протоколе появился такой пункт: «При отводе войск Красной Армии авиация Красной Армии может летать только до линии арьергардов колонн частей Красной Армии и на высоте не выше 500 метров, авиация Германской армии при движении на восток колонн Германской армии может летать только до линии авангардов колонн Германской армии и на высоте не выше 500 метров»⁵⁴.

Итак, как мы видим, многочисленные договоренности и консультации, которые действительно имели место в советско-германских отношениях, начиная с 17 сентября, были направлены вовсе не на координацию совместных действий советских и немецких войск по борьбе

⁵⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 329–331.

⁵¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 337.

⁵² Там же. С. 338.

⁵³ Там же. С. 340.

⁵⁴ Там же. С. 360.

с остатками польских формирований, как это подобает делать союзникам, а всего лишь на улаживание различных конфликтов, возникавших в результате столкновения частей РККА и Вермахта, и на предотвращение конфликтов новых. Представляется вполне очевидным, что для исключения эскалации мелких стычек до размеров реального конфликта так должны были действовать любые государства. И меры, предпринятые Советским Союзом и Германией, говорят вовсе не о союзническом характере их взаимодействия. Как раз наоборот, сам факт того, что эти меры пришлось принимать, и та форма, в которой это было сделано, прекрасно демонстрируют нам, что основной целью сторон было в первую очередь разграничение зон действий своих армий, недопущение каких-либо контактов между ними. Автору удалось найти всего два примера, которые действительно можно охарактеризовать как сотрудничество Советского Союза и Германии. Во-первых, 1 сентября помощник наркома иностранных дел В. Павлов передал Молотову просьбу советника германского посольства в Москве Г. Хильгера о том, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передачи время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихард Вильгельм 1. О», а кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто слово «Минск». Из резолюции В.М. Молотова на документе следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск»⁵⁵. Таким образом, Люфтваффе могло использовать минскую станцию в качестве радиомаяка. Впрочем, это решение советского руководства вполне поддается объяснению. Ведь любая ошибка немецких пилотов, действовавших вблизи советской территории, могла привести к разного рода нежелательным последствиям: от столкновений с советскими истребителями до нанесения бомбовых ударов по советской территории. Поэтому согласие советского руководства предоставить немцам лишний ориентир вызвано опять же стремлением предупредить возможные инциденты. Второй же случай – это взаимное обязательство Германии и СССР не допускать «на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны»⁵⁶. Однако вполне очевидно, что на основании только лишь двух этих фактов делать далеко идущие выводы о советско-немецком «братстве по оружию» довольно проблематично. Особенно в контексте рассмотрения прочих эпизодов советско-германских отношений, которые «братскими» никак не назовешь.

Итак, подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы. В ходе германо-польской войны Советский Союз не намеревался оказывать никакой помощи Германии. Вступление советских войск на территорию Польши преследовало исключительно советские же интересы и было вызвано не стремлением как бы то ни было помочь Германии с разгромом польской армии, боеспособность которой к тому моменту и так неудержимо стремилась к нулю, а именно нежеланием передавать всю территорию Польши в распоряжение Германии. В ходе «освободительного похода» советские и немецкие войска не проводили каких-либо совместных операций и не практиковали какие-либо другие формы сотрудничества, а между отдельными подразделениями РККА и Вермахта имели место локальные конфликты. Все советско-немецкое сотрудничество, по сути, было направлено именно на разрешение подобных конфликтов и как можно более безболезненное создание ранее не существовавшей советско-германской границы. Таким образом, утверждения о том, что в ходе польской кампании СССР был союзником Германии, являются не более чем инсинуациями, имеющими мало отношения к реалиям советско-немецких отношений того периода.

В контексте обсуждения советско-германского сотрудничества интерес представляет и еще один эпизод, который, как ни странно, у многих публицистов служит главным аргумен-

⁵⁵ Докладная записка сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В.Н. Павлова народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову // Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы (материалы сайта <http://katynbooks.narod.ru>).

⁵⁶ Секретный дополнительный протокол к германо – советскому договору о дружбе и границе между СССР и Германией // Катынь. Пленники необъявленной войны.

том при доказательстве того, что части РККА и Вермахта в 1939 г. вступили в Польшу в качестве союзников. Речь идет, конечно же, о «совместном советско-германском параде», проходившем в Бресте 22 сентября. Увы, чаще всего упоминания об этом параде не сопровождаются какими-либо подробностями, как будто речь идет о совершенно очевидном и известном каждому читателю факте. Впрочем, публицистов можно понять: ведь если начать разбираться в подробностях брестского парада, то идиллическая картинка советско-германского братства по оружию несколько портится и все произошедшее в Бресте выглядит не столь однозначно, как многим хотелось бы. Но обо всем по порядку...

14 сентября части немецкого 19-го моторизованного корпуса под командованием генерала танковых войск Г. Гудериана заняли Брест. Гарнизон города во главе с генералом К. Плисовским укрылся в крепости, однако 17 сентября и она была взята. А 22 сентября к городу подошла 29-я танковая бригада комбрига С.М. Кривошеина. Поскольку Брест находился в советской сфере влияния, после переговоров между командованием 19-го мк и 29-й тбр немцы начали вывод своих войск из города. Таким образом, изначально парад являлся, по сути, торжественной процедурой вывода немецких частей из Бреста. Осталось ответить на два вопроса: являлась ли это действие парадом и какая роль в нем отводилась советским войскам?

В Строевом уставе пехоты 1938 г. к параду применяются довольно жесткие требования.

«229. Для командования войсками, выводимыми на парад, назначается командующий парадом, который заблаговременно дает необходимые указания войскам.

...

233. Каждая отдельная часть, участвующая в параде, высылает в распоряжение командующего парадом линейных, под командой командира, из расчета: от роты – 4 линейных, от эскадрона, батареи – по 2 линейных, от мото-механизированных частей – каждый раз по особому указанию командующего парадом. На штыке винтовки линейного, обозначающего фланг части, должен быть флажок размером 20 x 15 см, цвета петлиц своего рода войск.

234. Войска прибывают на место парада согласно приказу по гарнизону и строятся на местах, обозначенных линейными, после чего линейные становятся на свои места, оставляемые в задней шеренге части.

...

236. Войсковые части строятся в линию батальонов; каждый батальон – в линию рот; в батальонах – уставные интервалы и дистанции; между батальонами интервал в 5 м. Командир части – на правом фланге своей части; в затылок ему – начальник штаба; рядом и левее командира – военный комиссар части; левее военного комиссара – оркестр, который равняется своей первой шеренгой по второй шеренге правофланговой роты. Левее оркестра, в двух шагах в одной шеренге, – ассистент № 1, знаменщик и ассистент № 2, которые равняются по первой шеренге правофланговой роты. Командир головного батальона – в двух шагах левее ассистента № 2. Остальной командный состав – на своих местах.

239. Войска на месте парада, до прибытия принимающего парад, приветствуют:

а) войсковые части – командиров своих соединений;

б) все войска парада – командующего парадом и начальника гарнизона.

Для приветствия подается команда: «Смирно, равнение направо (налево, на середину)»; оркестры не играют.

240. Принимающий парад прибывает к правому флангу парада. При приближении его к войскам на 110–150 м командующий парадом подает команду: «Парад, смирно, равнение направо (налево, на середину)». Команду повторяют все командиры, начиная от командиров отдельных частей и выше. По этой команде:

а) войска принимают положение «смирно» и поворачивают голову в сторону равнения;

б) весь командный и начальствующий состав, начиная с командиров взводов и выше, прикладывает руку к головному убору;

в) оркестры играют «Встречный марш»;

г) командующий парадом подходит с докладом к принимающему парад.

Когда принимающий парад верхом, командующий парадом встречает его тоже верхом, держа шашку «надвысь» и опуская ее при докладе.

Во время доклада командующего парадом оркестры игру прекращают. После доклада командующий парадом вручает принимающему парад строевую записку о составе выведенных на парад войск.

Когда принимающий парад начинает движение, оркестр головной части начинает играть «Встречный марш» и прекращает игру на время приветствия части и ответа на приветствие.

241. На приветствие принимающего парад части отвечают: «Здравствуйтесь», а на поздравление – «Ура».

242. Когда принимающий парад проследует до головного подразделения следующей отдельной части, оркестр игру прекращает, а новый оркестр начинает играть.

243. По окончании объезда принимающим парад войск командующий парадом подает команду: «Парад – ВОЛЬНО».

Весь командный состав, начиная с командира взвода, выходит и становится перед серединой фронта своих подразделений: командиры взводов – в П/2 м, командиры рот – в 3 м, командиры батальонов – в 6 м, командиры частей – в 12 м, командиры соединений – в 18 м. Рядом и левее вышедших вперед командиров становятся военные комиссары.

...

245. Для прохождения войск торжественным маршем командующий парадом подает команды: «Парад, смирно! К торжественному маршу, на столько-то линейных дистанций, поротно (по-батальонно), равнение направо, первая рота (батальон) прямо, остальные направо, на пле-ЧО, шагом – МАРШ».

Все командиры отдельных частей повторяют команды, за исключением первой – «Парад, смирно».

246. По команде «К торжественному маршу» командиры частей и соединений с военными комиссарами переходят и становятся перед серединою фронта головного батальона; сзади них в 2 м становятся начальники штабов, а сзади начальников штабов в 2 м – знаменщики с ассистентами; линейные выбегают из строя и занимают заранее указанные им места для обозначения линии движения войск торжественным маршем; оркестры всех отдельных частей выходят из строя своей части и становятся против принимающего парад, не ближе 8 м от левого фланга проходящих торжественным маршем войск».

Разумеется, ничего из этого в Бресте соблюдено не было. По крайней мере, свидетельств этому нет. Зато есть свидетельства обратного. В своих мемуарах Кривошеин пишет, что Гудериан согласился на следующую процедуру вывода войск: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши»⁵⁷. Таким образом, исходя из слов Кривошеина, никакого парада в каноническом понимании этого слова в Бресте не было даже близко. Но не будем формалистами. Предположим, что совместным парадом может считаться любое совместное мероприятие, в ходе которого два командующих принимают парад проходящих мимо них войск обеих армий. Однако даже при таком вольном толковании термина «парад» с идентификацией мероприятия в Бресте именно как парада возникают проблемы. Из вышеприведенной цитаты Кривошеина следует, что никакого совмест-

⁵⁷ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 336.

ного прохождения войск по одной и той же улице не было. Комбриг четко говорит о том, что части не должны пересекаться. В воспоминаниях Гудериана тоже имеется упоминание о событиях в Бресте: «Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина»⁵⁸. Как мы видим, генерал также ни словом не обмолвился об участии в параде советских войск. Более того, из этой фразы даже не следует, что Кривошеин как-либо участвовал в параде. Скорее находился рядом с Гудерианом в качестве наблюдателя, что вполне соответствует цели присутствия комбрига при всем этом мероприятии – контроль вывода немецких войск. И действительно, совершенно непонятно, на основании чего Кривошеин так упорно пытаются записать в принимающие парад. Никакой церемониал, сопутствующий этому посту, соблюден не был, а сам факт присутствия комбрига при прохождении немецких войск ни о чем не говорит. В конце концов на парадах в честь Дня Победы тоже во множестве присутствуют иностранные делегации, однако назвать их принимающими парад, как ни странно, никому в голову не приходит. Но вернемся к советским частям. Историк О.В. Вишлев со ссылкой на немецкое издание «Великий германский поход против Польши» 1939 г. выпуска опять же утверждает, что никакого совместного парада не было. Сначала из города вышли немецкие войска, затем вошли советские⁵⁹. Таким образом, мы не располагаем ни одним письменным источником, который говорил бы нам о совместном прохождении советских и германских войск по улицам Бреста.

Теперь обратимся к источникам документальным. Из всех сделанных 22 сентября в Бресте фотографий⁶⁰, которые автору удалось найти, лишь на четырех запечатлены советские войска, располагающиеся на проезжих частях брестских улиц. Давайте разберем их поподробнее. На фотографиях № 1 и 2 мы видим колонну советских танков. Однако эти фотографии сделаны явно до парада: на том месте, где позже будет стоять трибуна (под флагштоком), ее нет; колонны немецких войск стоят, а то, насколько энергично бойцы Вермахта крутят головами по сторонам, наглядно свидетельствует о том, что они не находятся даже в готовности к торжественному маршу. Сам же по себе факт присутствия в городе каких-то советских частей совершенно понятен: Кривошеин, естественно, прибыл к Гудериану не в гордом одиночестве, а в сопровождении, вероятно, штаба и охраны или, если угодно, почетного эскорта. Видимо, прибытие этого эскорта мы и видим на данных фотографиях. На фото № 3 мы снова видим советскую танковую колонну, но уже совершенно в другом месте. К параду она также отношения не имеет: никаких немецких войск по обочинам не наблюдается, зато праздно гуляющих местных жителей – сколько угодно. А вот с фотографией № 4 все несколько сложнее. На ней мы наконец-то находим хоть какой-то атрибут парада – немецкий оркестр. Тем не менее сделать вывод о том, что на фотографии запечатлен именно парад, мы опять же не можем: трибуну нам не видно, а музыканты, вместо того чтобы обеспечивать участникам парада музыкальное сопровождение, бездействуют. То есть с тем же успехом фотография могла быть сделана во время подготовки к параду, но до его начала. Просмотр кинохроники, которая сегодня благодаря Всемирной паутине доступна любому желающему, также не откроет для нас ничего нового. Кадры опять же с советской танковой колонной (одни и те же) имеются на двух роликах, которые удалось найти автору. Однако и на них запечатлен не парад, а прохождение танков по улицам Бреста, на которых не видно ни одного немецкого солдата или тем более командования, зато имеются приветствующие части РККА горожане. Таким образом, из всего объема кино- и фотоматериалов лишь одна фотография, возможно, сделана во время участия советских войск в параде. А возможно, и совершенно в другое время, и советские войска там к параду отношения не имеют – каких-либо оснований утверждать это у нас нет. Проще говоря, вся версия

⁵⁸ Гудериан Г. Воспоминания солдата. – М., 2004. С. 113.

⁵⁹ Вишлев О.В. Указ. соч. С. 109.

⁶⁰ Подборку фото и видеоматериалов о событиях в Бресте см. на <http://gezesh.livejournal.com/25630.html>.

о «совместном параде» зиждется на одной-единственной фотографии, да и ту с уверенностью отнести ко времени проведения парада нельзя. То есть внятных доказательств участия советских войск в «совместном» параде у апологетов теории о советско-германском «братстве по оружию» нет. Доказательств обратного у их оппонентов тоже нет, однако древнюю формулу *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat* пока никто не отменял.

Резюмируя, можно сказать, что факт проведения в Бресте совместного парада является недоказанным. А наиболее правдоподобная, как нам кажется, картина произошедшего в городе выглядит так: сначала в Брест прибывает Кривошеин со штабом и танковой колонной охранения, затем командующие улаживают все связанные с выводом немецких войск проблемы. После этого, вероятно, в город входят советские войска, однако держатся на расстоянии от своих немецких коллег. Части Вермахта торжественно проходят мимо трибуны с Гудерианом и Кривошеиным. После чего генерал дарит комбригу флаг и удаляется вслед за своим корпусом. Затем советские войска окончательно занимают город. По крайней мере, такая версия согласуется со всеми имеющимися источниками.

Но главная ошибка историков, которые носят с брестским парадом как с писаной торбой, заключается даже не в том, что они пытаются выдать за очевидный факт событие, реальность которого вызывает очень большие сомнения. Главная их ошибка в том, что даже если этот парад действительно был, сам по себе этот факт ни о чем не говорит. В конце концов российские и американские вооруженные силы в наше время тоже устраивают совместные парады⁶¹, однако никому не приходит в голову объявить Россию и США союзниками. Совместный парад может служить только лишь иллюстрацией тезиса о союзническом характере отношений между СССР и Германией в сентябре 1939 г., но никак не его доказательством. А тезис этот является неверным безотносительно к тому, был парад или нет.

⁶¹ 9 мая 2006 г. экипаж эсминца ВМФ США «Джон Маккейн» участвовал в Параде Победы во Владивостоке вместе с российскими моряками.

Олег Рубецкий. Была ли прострация у Сталина в первые дни войны?

То, что у политического руководства СССР в первые дни Великой Отечественной войны случился кризис, не подвергалось никакому сомнению со времен XX съезда КПСС. После этого публиковались свидетельства непосредственных участников, а начиная с 80-х гг. прошлого века и документы, подтверждающие факт кризиса.

Вопрос о кризисе обычно сводится к тому, что И.В. Сталин утратил на некоторое время способность – или желание – к управлению государством в тяжелых условиях военного времени.

В своих воспоминаниях А.И. Микоян дает (как слова В.М. Молотова) определение такому состоянию Сталина:

«Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии»⁶².

Однако вопросы о сроках продолжительности такого состояния, степени глубины т. н. «прострации», да и самом ее существовании в том виде, в котором это описывается в воспоминаниях бывших соратников И.В. Сталина – А.И. Микояна, В.М. Молотова (со слов А.И. Микояна), Н.С. Хрущева, Л.П. Берия (со слов Н.С. Хрущева), требуют в чем-то переосмысления, а в чем-то – осмысления.

Прежде всего давайте определимся со сроками сталинской «прострации». Есть несколько версий о ее продолжительности.

Первая версия гласит, что Сталин впал в «прострацию» в первые же дни войны, скрылся на подмосковной даче и не показывался оттуда до тех пор, пока к нему не приехали члены Политбюро с предложением создать ГКО (причем Сталин испугался того, что его приехали арестовать), но члены Политбюро его арестовывать не стали, а уговорили возглавить этот орган высшей власти в воюющей стране.

Этот миф был рожден Н.С. Хрущевым во время XX съезда КПСС, когда Н.С. Хрущев заявил следующее.

«Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил: – То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте»⁶³.

И в своих мемуарах Н.С. Хрущев придерживался этой версии, более того, творчески развил ее.

«Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Буквально так и выразился. «Я, – говорит – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на Ближнюю дачу»⁶⁴.

⁶² «Политическое образование». 1988, № 9. С. 74–75.

⁶³ Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС 24–25 февраля 1956 г. (Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // «Известия ЦК КПСС», 1989 г., № 3)

⁶⁴ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ПИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

Эта версия была подхвачена некоторыми историками на Западе. Р.А. Медведев пишет:

«Историю о том, что Сталин в первые дни войны впал в глубокую депрессию и отказался от руководства страной «на долгое время», впервые рассказал Н.С. Хрущев в феврале 1956 г. в своем секретном докладе «О культе личности» на XX съезде КПСС. Этот рассказ Хрущев повторил и в своих «Воспоминаниях», которые его сын Сергей записывал в конце 60-х годов на магнитофонную ленту. Сам Хрущев в начале войны находился в Киеве, он ничего не знал о том, что происходило в Кремле, и ссылаясь в данном случае на рассказ Берия: «Берия рассказывал следующее...». Хрущев заявлял, что Сталин не управлял страной в течение недели. После XX съезда КПСС многие из серьезных историков повторяли версию Хрущева, она повторялась почти во всех биографиях Сталина, в том числе и в вышедших на Западе. В хорошо иллюстрированной биографии Сталина, изданной в США и Англии в 1990 г. и послужившей основой для телевизионного сериала, Джонатан Люис и Филип Вайтхед, уже без ссылки на Хрущева и Берия, писали о дне 22 июня 1941 г. «Сталин был в прострации. В течение недели он редко выходил из своей виллы в Кунцево. Его имя исчезло из газет. В течение 10 дней Советский Союз не имел лидера. Только 1 июля Сталин пришел в себя». (Дж. Люис, Филип Вайтхед. «Сталин». Нью-Йорк, 1990. С. 805)⁶⁵.

Но все же большинство историков не были столь легковжны и помимо версии Н.С. Хрущева оперировали и другими материалами, благо, с середины 1980-х гг. их появлялось все больше – стали доступны архивы, некоторые мемуары выходили в редакциях, лишенных конъюнктурной правки.

Чего нельзя сказать о некоторых отечественных историках, например об авторах учебного пособия «Курс советской истории, 1941–1991» А.К. Соколове и В.С. Тяжельникове, вышедшего в 1999 г., в котором школьникам предлагается все та же мифическая версия:

«Известие о начале войны повергло в шок руководство в Кремле. Сталин, получавший отовсюду сведения о готовящемся нападении, рассматривал их как провокационные, преследующие цель втянуть СССР в военный конфликт. Не исключал он и вооруженных провокаций на границе. Ему лучше всех было известно, в какой степени страна была не готова к «большой войне». Отсюда – желание всячески оттянуть ее и нежелание признать, что она все-таки разразилась. Сталинская реакция на нападение германских войск была неадекватной. Он все еще рассчитывал ограничить его рамками военной провокации. Между тем с каждым часом яснее вырисовывались огромные масштабы вторжения. Сталин впал в прострацию и удалился на подмосковную дачу. Объявить о начале войны было поручено зампредсовнаркома В.М. Молотову, который в 12 час. дня 22 июня выступил по радио с сообщением о вероломном нападении на СССР фашистской Германии. Тезис о «вероломном нападении» явно исходил от вождя. Им как бы подчеркивалось, что Советский Союз не давал повода для войны. Да и как было объяснить народу, почему недавний друг и союзник нарушил все существующие соглашения и договоренности!»

Тем не менее стало очевидно, что нужно предпринимать какие-то действия для отражения агрессии. Была объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения (1919–1922 гг. уже находились в армии). Это позволило поставить дополнительно под ружье 5,3 млн человек, которые немедленно отправлялись на фронт, зачастую сразу в самое пекло сражений. Был создан Совет по эвакуации для вывоза населения из охваченных боевыми действиями районов.

23 июня была образована Ставка Главного Командования во главе с народным комиссаром обороны маршалом С.К. Тимошенко. Сталин фактически уклонился от того, чтобы возглавить стратегическое руководство войсками.

⁶⁵ Медведев Р. Был ли кризис в руководстве страной в июне 1941 года? // «Государственная служба», 3 (35), май – июнь 2005.

Окружение вождя повело себя более решительно. Оно выступило с инициативой создания чрезвычайного органа управления страной с неограниченными полномочиями, возглавить который было предложено Сталину. После некоторых колебаний последний вынужден был согласиться. Стало ясно, что уйти от ответственности нельзя и надо идти до конца вместе со страной и народом. 30 июня был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО)»⁶⁶.

Однако в последнее время благодаря стараниям некоторых исследователей⁶⁷, занимавшихся этим вопросом, а также публикации Журналов записи посещений кабинета И.В. Сталина⁶⁸ миф о том, что Сталин в первый-второй день войны «впал в прострацию и удалился на подмосковную дачу», где пребывал до начала июля, был уничтожен.

* * *

Другая версия сталинской «прострации» такая, что «прострация» длилась не неделю, а несколько дней, в самом начале войны, 23–24 июня. Тем, что 22 июня 1941 г. по радио выступил Молотов, а не Сталин, иногда пытаются доказать, что Сталин не выступил потому, что растерялся, не смог и т. д.

Хрущев пишет (уже от себя, а не передает слова Берии) о первом дне войны:

«Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями»⁶⁹.

А вот что пишет Микоян о 22 июня 1941 г.: *«Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался: «Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к народу не Сталина – Первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу – всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, это сделает в другой раз. Так как Сталин упорно отказывался, то решили, пусть выступит Молотов. Выступление Молотова прозвучало в 12 часов дня 22 июня.*

Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу»⁷⁰.

А.И. Микоян пишет о 24 июня:

«Немного поспали утром, потом каждый стал проверять свои дела по своей линии: как идет мобилизация, как промышленность переходит на военный лад, как с горючим и т. д.

Сталин в подавленном состоянии находился на ближней даче в Волынском (в районе Кунцево)»⁷¹.

А вот что пишет Микоян о 22 июня:

«Далее он [Молотов] рассказал, как вместе со Сталиным писали обращение к народу, с которым Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с Центрального телеграфа.

⁶⁶ Соколов А.К., Тяжельников В.С. Курс советской истории, 1941–1991. Учебное пособие. – М.: Высш. шк., 1999. 415 с.

⁶⁷ Медведев Р. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, № 2, 2002; Был ли кризис в руководстве страной в июне 1941 года? // «Государственная служба», 3 (35), май – июнь 2005; Пыхалов И. Великая Оболганная война. – М.: Язуза, Эксмо, 2005. С. 284–303; Куртуков И. Бегство Сталина на дачу в июне 1941 г.

⁶⁸ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М., 2002. С. 222–469 (АПРФ.Ф. 45. Оп. 1.В. 412. Л. 153–190, Л. 1–76; Д. 414. Л. 5–12; л. 12–85 об.; Д. 415. Л. 1–83 об.; Л. 84–96 об.; Д. 116. Л. 12–104; Д. 417. Л. 1–2 об.).

⁶⁹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

⁷⁰ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

⁷¹ Ibid.

– Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек – это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

– Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами» – стали одним из главных лозунгов войны.

– Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова. Там были и поправки, и добавки, само собой.

– Сталин участвовал?

– Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

* * *

– Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял.

– Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, – как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять»⁷².

Почему Сталин не выступил в первый день, в 12 часов дня, предоставив это право Молотову, понятно – было еще не ясно, как развивается конфликт, насколько он широк, полномасштабная ли это война или какой-то ограниченный конфликт. Были предположения, что от немцев могут последовать какие-то заявления, ультиматумы. И самое главное, были основания считать, что советские войска сделают с агрессором то, что им вменялось в обязанность, – нанесут сокрушающий ответный удар, перенесут войну на территорию противника, и не исключено, что через несколько дней немцы запросят перемирия. Ведь именно уверенность в способности советских Вооруженных Сил справиться с внезапным нападением была одним из факторов (наряду с пониманием неполной готовности войск к большой войне и невозможностью, по разным причинам, начать войну с Германией в качестве агрессора), давших Сталину основания отказаться от разработки превентивного удара по немцам в 1941 г.

Но что ответить на слова А.И. Микояна и Н.С. Хрущева? Ведь слов В.М. Молотова мало. Конечно, можно (да, в общем, и нужно) скрупулезно проанализировать деятельность советского руководства в первые дни войны, собрать перекрестные свидетельства очевидцев, воспоминания, документы, газетные сообщения. Но, к сожалению, в рамках этой статьи это невозможно.

К счастью, есть источник, с помощью которого можно точно установить, был ли Сталин «совершенно парализован в своих действиях», был ли он «в таком подавленном состоянии, что не знал, что сказать народу», и т. п. Это Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина⁷³.

Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина свидетельствует:

⁷² Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. – М.: Олма-Пресс, 2000.

⁷³ Горьков Ю.Л. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М., 2002. С. 222–469 (АПРФ.Ф. 45. Оп. 1. В. 412. Л. 153–190. Л. 1–76; Д. 414. Л. 5–12; Л. 12–85 об.; Д. 415. Л. 1–83 об.; л. 84–96 об.; Д. 116. Л. 12–104; Д. 417. л. 1–2 об.).

21 июня – приняты 13 человек, с 18.27 до 23.00.
22 июня – приняты 29 человек с 05.45 до 16.40.
23 июня – приняты 8 человек с 03.20 до 06.25 и 1 человек с 18.45 до 01.25 24 июня.
24 июня – приняты 20 человек с 16.20 до 21.30.
25 июня – приняты 11 человек с 01.00 до 5.50 и 18 человек с 19.40 до 01.00 26 июня.
26 июня – приняты 28 человек с 12.10 до 23.20.
27 июня – приняты 30 человек с 16.30 до 02.40
28 июня – принят 21 человек с 19.35 до 00.50
29 июня.

Таблицы полностью можно увидеть в приложении к статье.

Хорошо; если Сталин не пребывал в прострации с самого начала войны до 3 июля, то когда же он в нее впал? И что же такое эта прострация или депрессия, ведь подавленное состояние может быть разной степени тяжести. Иногда человек испытывает депрессию, но в то же время исполняет свои обязанности, а иногда человек выпадает из жизни на какое-то время полностью, не делая вообще ничего. Это весьма разные состояния, например как состояние бодрствования и состояние сна.

Тот же Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина свидетельствует, что до 28 июня включительно Сталин напряженно (как и все, надо полагать, военные и гражданские руководители) работал. 29 и 30 июня записи в Журнале отсутствуют.

А.И. Микоян пишет в своих воспоминаниях:

«29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Встревожженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой»⁷⁴.

Записи за 29 июня в Журнале, из которых следовало бы, что названные лица были у Сталина в Кремле вечером, отсутствуют. Может быть, А.И. Микоян ошибся и написанное им о встрече касается 28 июня, когда вечером этого дня у Сталина собрались в числе прочих Маленков, Молотов, Микоян и Берия, причем последние трое покинули кабинет в 00.50 ночью 29 июня? Но тогда ошибаются другие свидетели, пишущие о визите Сталина и членов Политбюро в Наркомат обороны именно 29 июня. Остается предположить, что по каким-то причинам записи о посещении Сталина Молотовым, Маленковым, Микояном и Берией в Журнале записи посетителей не производились.

29 июня 1941 г. была издана Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на отпор немецко-фашистским захватчикам. Однако скорее всего она была подготовлена вечером 28 июня.

По словам Г.К. Жукова, «29 июня И.В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении»⁷⁵.

О вечернем визите, о том, что происходило в его ходе и после него, известно. А со вторым визитом (или же первым по хронологии) неясно. О чем шла речь, когда он был, свидетельств не имеется. Может быть, первый визит в Наркомат обороны состоялся именно ночью (ранним утром) 29 июня, о сдаче Минска еще не было известно, и поэтому члены Политбюро, и И.В. Сталин в том числе, разъехались поспать.

⁷⁴ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

⁷⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2002. С. 287.

Надо отметить еще то, что Наркомат обороны находился на улице Фрунзе. А Ставка Главного Командования, куда, по словам Жукова, Сталин также приезжал дважды в течение

29 июня, находилась, с момента создания, в кремлевском кабинете Сталина. Это с началом бомбежек Москвы она была переведена из Кремля на ул. Кирова (да к тому же на станции метро «Кировская» был подготовлен подземный центр стратегического управления Вооруженными силами, где были оборудованы кабинеты И.В. Сталина и Б.М. Шапошникова и размещалась оперативная группа Генштаба и управлений Наркомата обороны). Но первая бомбежка Москвы была в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. Получается, что Сталин, помимо того, что дважды приезжал на ул. Фрунзе, в Наркомат, еще дважды приезжал в Кремль, где собирались члены Ставки. Может быть, в этом разгадка того, что Микоян написал: «29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия».

Днем 29-го слухи (в т. ч. сообщения иностранных новостных агентств) о падении Минска стали более основательными, сведений от военных о действительном положении вещей не было (по телефону), связь с войсками Белорусского фронта отсутствовала, Сталин небезосновательно предположил, что столица Белоруссии, может быть, уже захвачена германскими войсками. И второй (по словам Жукова) за 29 июня визит Сталина и членов Политбюро в Наркомат обороны был уже далеко не столь мирным.

Вот что рассказывает об этом визите его непосредственный участник, А.И. Микоян:

«Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь.

Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не могли.

Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д.

Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует.

Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилен руководить.

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним.

Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него еще были мокрые. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову. Его сопровождал энергичный, смелый, расторопный военачальник Гай Туманян. Предложение о сопровождающем внес я. Главное тогда было восстановить связь. Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали успешно развиваться в районе Перемышля. По войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. Сталин был очень удручен»⁷⁶.

Эта цитата из рукописей воспоминаний А.И. Микояна, хранящихся в РЦХИДНИ, т. е. этот текст можно считать изначальным. А вот рассказ об этом же из книги «Так было», изданной в 1999 г. издательством «Вагриус»:

«В Наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи —

⁷⁶ 1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?»

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые.

Главным тогда было восстановить связь. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик – это Сталин предложил, потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали развиваться сравнительно неплохо. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. А из Белоруссии открывался прямой путь на Москву. Сталин был очень удручен»⁷⁷.

По словам издателя, сына А.И. Микояна, С.А. Микояна, основой послужил текст 3-го тома мемуаров, находившийся на момент смерти автора в Политиздате.

«Третий том, начинавшийся с периода после 1924 г., находился в работе в Политиздате, когда отца не стало, он умер 21 октября 1978 г., не дожив месяца до 83 лет. Через несколько недель меня вызвали в издательство и сообщили, что книга исключена из планов, а вскоре я узнал, что это было личное указание Суслова, побавившегося отца до самой его смерти и теперь осмелевшего. Сравнение диктовок отца с текстом, подвергшимся экзекуции редакторов, показало, что в ряде случаев мысли автора были искажены до неузнаваемости»⁷⁸.

Поскольку мемуары А.И. Микояна крайне важны как источник, необходимо бы обращаться к неискаженной их версии. А то, что широко распространенная версия довольно сильно искажена, можно легко увидеть, сравнив эти две цитаты. Причем в дальнейшем подобные различия и несоответствия настолько односторонни, что возникают основания предположить, что эти мемуары готовились автором к печати во время правления Н.С. Хрущева. Возможно, изначальный текст подвергся правке именно в то время, поэтому все дополнения сделаны, чтобы укрепить читателя в том, что «прострация» Сталина была продолжительна, многодневна, а главное, в том, что Сталин и в самом деле отказался от управления страной, от власти и его соратникам пришлось уговаривать его взять бразды правления в руки.

Итак, Сталин убедился в том, как все плохо на фронте, что армейское руководство не оправдало доверия, утратило управление войсками на самом ответственном участке фронта, а между политическим и военным руководством наметился конфликт, недопонимание какое-то. Может быть, это всколыхнуло в Сталине те подозрения, которыми он руководствовался, вскрывая и выкорчевывая военно-фашистские заговоры в армии. Ведь репрессированные военачальники обвинялись и в том, что в случае войны собирались перейти на сторону врага, подрывать обороноспособность, намеренно плохо командовать и всячески вредить. А то, что происходило на фронте, походило на вредительство – немцы продвигались практически теми темпами, как в Польше или во Франции, а руководство Красной Армии, несмотря на то что регулярно уверяло Сталина в способности в случае нападения агрессора удержать его и через короткое время перейти в решающее контрнаступление, оказалось несостоятельным.

С такими (возможно) мыслями Сталин вышел из Наркомата обороны и сказал соратникам знаменитую фразу. По воспоминаниям Микояна, было так:

«Когда мы вышла из Наркомата, он такую фразу сказал: Ленин оставил нам великое наследие, мы – его наследники – все это просрали. Мы были поражены высказыванием Ста-

⁷⁷ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

⁷⁸ Ibid.

лина. Выходит, что все безвозвратно мы потеряли? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта...»⁷⁹.

Об этом же вспоминает и Молотов:

«Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу. Это было на второй или на третий день⁸⁰. По-моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню.

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

– Как держался?

– Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо.

– А вот Чаковский пишет, что он...

– Что там Чаковский пишет, я не помню, мы о другом совсем говорили. Он сказал: «Просрали». Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. «Все просрали», – он просто сказал. А мы просрали. Такое было трудное состояние тогда. – Ну, я старался его немножко ободрить»⁸¹.

Берия, по словам Хрущева, рассказал ему, что дело было так:

«Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Буквально так и выразился. «Я, – говорит, – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на Ближнюю дачу. Мы, – рассказывал Берия, – остались. Что же делать дальше?»⁸².

Н.С. Хрущев, приводя слова Берии, неточен. Как следует из воспоминаний Микояна, свое заявление Сталин сделал, выйдя из Наркомата, после чего вместе с группой товарищей уехал на дачу. Микояна на даче не было, соответственно если бы Сталин заявил: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали. Я отказываюсь от руководства» – на даче, Микоян не услышал бы ни первой, ни второй его части. А он первую часть услышал, о чем и написал в мемуарах.

Хрущев неточен и в следующем: Берия якобы сказал, что он остался, а Сталин уехал на дачу, но сам Берия, обращаясь к Молотову в 1953 г., определенно пишет, что он вместе с Молотовым был на даче Сталина.

Но самое главное не это, все это можно было бы списать на аберрацию памяти Н.С. Хрущева и фрагментацию ее, главное – слова Сталина, что он отказывается от руководства. Это очень важный момент. Допустимо ли принять интерпретацию Хрущевым якобы слов Берии, что Сталин и впрямь отказался от руководства?

Во всем остальном, поведенном в этом рассказе, Хрущев несколько неточен. Слова Хрущева – не очевидца – не подтверждаются воспоминаниями Молотова и Микояна, очевидцев. Ни первый, ни второй ни слова не сказали о том, что Сталин отказался от власти. А уж это было бы посильнее, чем слово «просрали». Это бы точно было запомнено и отмечено если не Молотовым, который в какой-то мере обелял Сталина, то уж Микояном точно, особенно если вспомнить об антисталинской направленности редакции его мемуаров.

Американский исследователь И. Куртуков, занимавшийся данным вопросом, заявил, что слов Хрущева достаточно, чтобы сделать вывод: Сталин в какой-то момент 29–30 июня 1941 г. отрекся от власти, нужно лишь установить, сделал он это под влиянием депрессии, сгорая,

⁷⁹ 1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

⁸⁰ Речь идет о 29 июня, так как обсуждается роман Чаковского, в котором описан этот визит.

⁸¹ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 60–61.

⁸² Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

или обдуманно – чтобы испытать своих соратников, заставить их просить его о возвращении во власть, наподобие того как Иван Грозный заставил своих бояр идти к нему на поклон.

«Трудно сказать, было ли это искренним импульсивным поступком или тонким ходом, рассчитанным как раз на то, что Политбюро соберется и попросит его обратно во власть, но факт явно имел место быть»⁸³.

Соображения о том, что мемуары Хрущева, в силу явной неприязни к Сталину их автора и общей склонности

Н.С. Хрущева к искажению исторической правды, не могут быть признаны достаточным основанием для того, чтобы сделать такой вывод, г-н Куртуков дезавуирует следующим образом: воспоминания Хрущева (точнее, пересказ тем слов Берии) состоят из тех же фрагментов, что и воспоминания Молотова и записка Берии Молотову, просто «у Хрущева эти фрагменты перепутаны». Куртуков признает, что «Хрущев работает как глухой телефон» и «знает историю только со слов Берия», рассказывая ее «много позже событий», но считает, что правоту слов Хрущева об отказе Сталина от власти подтверждает дальнейшее развитие событий.

Допустим, что события, изложенные Хрущевым, хронологически перепутаны, но в отдельности происходили. Но ни у Молотова, ни у Берии не говорится о том, что Сталин заявил об отказе от власти. Нет у них таких фрагментов.

И. Куртуков приводит цитату из разговора Молотова с Чуевым:

«Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. /.../ Трудно, сказать двадцать второго это было или двадцать третьего это было, такое время, когда сливались один день с другим» (Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. – М.: Олма-Пресс, 2000. С. 399)⁸⁴.

И сопровождает эту цитату комментарием:

««Двадцать второе или двадцать третье» пусть тут не смущают, они всплыли из хрущевской версии, которую как раз Чуев с Молотовым обсуждал. Конечно, невозможно через 43 года точно вспомнить дату событий, важно подтверждение факта «прострации»⁸⁵.

В данном случае нельзя не согласиться с мнением И. Куртукова насчет датировки цитаты, и в этом случае имеет смысл воспроизвести эту цитату без купюр:

«– Ну конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно.

– Якобы был у него Берия, и Сталин сказал: «Все потеряно, я сдаюсь».

– Не так. Трудно сказать, двадцать второго или двадцать третьего это было, такое время, когда сливался один день с другим. «Я сдаюсь» – таких слов я не слышал. И считаю их маловероятными»⁸⁶.

Действительно, воспоминание Молотова относится ко времени их с Берией визита на сталинскую дачу в ночь с

29 на 30 июня 1941 года, и Молотов прямо подтверждает, что никаких отказов Сталина от власти он не слышал. А поскольку он, в отличие от Хрущева, на пересказе якобы слов Берии которым И. Куртуков строит доказательства того, что Сталин все-таки от власти отрекался, был очевидцем, его свидетельство будет, во всяком случае, не хуже. А скорее всего, основательнее.

Свою работу И. Куртуков подытоживает так:

«Утром и днем 29 июня 1941 г. Сталин работал: подписал некоторые документы и посетил Наркомат обороны, узнав там удручающие новости.

⁸³ Куртуков И. Бегство Сталина на дачу в июне 1941 г...

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid.

Вечером 29 июня 1941 г. после посещения Наркомата Сталин, Молотов, Берия и другие отправляются на Ближнюю дачу, в Кунцево, где генсек и сделал историческое заявление, что «мы все просрали» и что он уходит от власти.

30 июня 1941 г. Молотов собрал у себя в кабинете членов Политбюро, они наметили решение о создании Государственного Комитета Оборона и отправились к Сталину на дачу с предложением этот комитет возглавить.

Сталин за это время, вероятно, отошел, предложение товарищей принял и с 1 июля 1941 г. вернулся к обычному ритму трудовой деятельности».

Версия И. Куртукова вполне правдоподобна за исключением нескольких фрагментов:

◆ Сталин сказал «мы все просрали» не на даче, а после посещения Наркомата обороны, перед отъездом на дачу;

◆ Сталин вернулся к «обычному ритму трудовой деятельности» не 1 июля, а 30 июня, т. к. принял активное участие в работе только что созданного ГКО, вел телефонные переговоры, принимал кадровые решения и т. д.;

◆ то, что Сталин сказал, что «уходит от власти», выглядит несколько интуитивистским выводом, потому что источник (мемуары Хрущева), на основании которого делается столь определенный вывод, крайне ненадежен, к тому же опровергается воспоминаниями Молотова. Можно было бы предположить, что такая фраза могла прозвучать в той или иной форме (например, «я устал»), но вряд ли корректно столь категорично утверждать, что Сталин добровольно отказался от руководства и сказал: «Я ухожу».

* * *

Итак, вечером 29 июня, может быть, уже и ночью 30-го Сталин, Молотов и Берия (и, возможно, Маленков) приехали на сталинскую Ближнюю дачу в Кунцево, там состоялась беседа, о содержании которой Берия пишет в 1953 г. в своей записке Молотову:

«Вячеслав Михайлович! [...]Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-цем Сталиным на его Ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедленно вызвать на совещание т-ца Маленкова Г.М., а спустя небольшой промежуток времени пришли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-цу Сталину и убедили его о немедленной организации Комитета Оборона Страны со всеми правами»⁸⁶.

Эта записка должна восприниматься, наряду с журналами записей посетителей сталинского кабинета, как наиболее ценный источник по данному вопросу, т. к. мемуары люди пишут обычно в безопасности и не особенно боятся нечеткости памяти, и даже если мемуарист что-то приукрасит, то это вызовет лишь неудовольствие тех, кто знает, как оно было на самом деле. А вот Берия писал записку, пытаясь спасти свою жизнь, и врать ему о фактах не было никакой возможности – он, конечно, льстил адресатам, но обстоятельства способствовали искренности.

Можно предположить, что именно во время этой беседы подавленность Сталина достигла крайней точки. Конечно, разговор шел о том тяжелом положении, в котором оказалась страна. Вряд ли беседа не могла затронуть недавнее посещение Наркомата обороны и вопросы управления армией. Может быть, речь зашла и о том, что не всех врагов еще изъяли из армии, ведь репрессии в Вооруженных силах продолжались. В июне 1941 г. были арестованы Смушкевич, Рычагов, Штерн, а уже после начала войны – Проскуров и Мерецков. Сохранилась

⁸⁶ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. – М.: МФ «Демократия», 1999. С. 76 (АП РФ.Ф. 3. Оп. 24. Д. 463, Л. 164–172. Автограф. Опубликовано: «Источник», 1994, № 4).

и склонность к построению ветвистых «заговоров», так как некоторых из арестованных, например Мерецкова, помимо связки с «делом Штерна» пытались пристегнуть и к Павлову, которого арестовали несколькими днями позднее и который пока еще был комфронта. Раз страна оказалась в тяжелом положении, должны быть ответственные за это, а кто более подходил на роль козлов отпущения, чем военные, которые не справились со своими обязанностями. На фоне этого у Сталина могли возникнуть опасения о том, что военные способны выйти из-под контроля, попытаться сменить политическое руководство, совершить государственный переворот или даже вступить в переговоры с немцами. В любом случае было ясно – чтобы попытаться выйти из этого тяжелого положения, нужно продолжать воевать, а для этого надо возобновить управление войсками и управление военачальниками – полное и безоговорочное.

* * *

30 июня, вероятно часов в 14, в молотовском кабинете встретились Молотов и Берия. Молотов заявил Берии, что надо «спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины». Берия его «целиком поддержал» и предложил «немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М.», после чего «спустя небольшой промежуток времени пришли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве».

Микоян с Вознесенским пригласили к Молотову около 16 часов.

«На следующий день, около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему.

Идем. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов, Берия. Мы их застали за беседой. Берия сказал, что необходимо создать Государственный Комитет Оборона, которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции Правительства, Верховного Совета и ЦК партии. Мы с Вознесенским с этим согласились. Договорились во главе ГКО поставить Сталина,

об остальном составе ГКО не говорили. Мы считали, что в имени Сталина настолько большая сила в сознании, чувствах и вере народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями. Решили поехать к нему. Он был на Ближней даче»⁸⁷.

Возникают вопросы – не было ли создание ГКО обсуждено со Сталиным во время ночной беседы? Нельзя полностью отрицать, что создание ГКО было согласованным – между Сталиным, Берией и Молотовым либо между Сталиным и Молотовым – шагом. Прямых доказательств, как и опровержений, этому нет, но если вспомнить, что Молотов без ведома Сталина не предпринимал никаких глобальных инициатив и был всегда лишь исполнителем, странно, почему он вдруг решился на столь неординарную акцию – создать орган власти с диктаторскими полномочиями. Не исключено также, что Молотов 30 июня говорил со Сталиным по телефону и хотя бы в общих чертах обговорил создание ГКО. А может быть, в беседе Сталин дал понять, без конкретизации, что такой орган обязательно нужен. А Молотов с Берией срочно разработали план, всем объяснили его суть и приехали к Сталину уже с готовым решением. Такую версию (что создание ГКО было инициативой Сталина) выдвинул И.Ф. Стаднюк.

«Сталин вернулся в Кремль ранним утром 30 июня с принятым решением: всю власть в стране сосредоточить в руках Государственного Комитета Оборона во главе с ним самим, Сталиным. В то же время разъединялась «троица» в Наркомате обороны: Тимошенко в этот же день был отправлен на Западный фронт в качестве его командующего, генерал-лейтенант Ватутин – заместитель начальника Генштаба – назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Жуков оставался на своем посту начальника Генштаба под неусыпным оком Берии.

⁸⁷ 1941 год. т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

По моему глубокому убеждению, создание ГКО и служебные перемещения в военном руководстве – это следствие ссоры, отпыхавшей 29 июня вечером в кабинете маршала Тимошенко»⁸⁸.

То, что создание ГКО так или иначе стало следствием ссоры в Наркомате обороны, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Но то, что Сталин утром 30 июня прибыл в Кремль и начал там создавать ГКО, – крайне маловероятно.

В любом случае, даже если Молотов и выступил инициатором создания ГКО, это не может свидетельствовать о том, что Сталин добровольно отказался от власти, а вот о том, что Сталин был удручен недостаточной концентрацией власти в своих руках в такое тяжелое, военное время и об этом сказал Молотову с Берией во время встречи на даче, это вполне может свидетельствовать. И Молотов (который сказал Чуеву, что «поддерживал» Сталина как раз в эти дни) правильно понял задачу. Тем более что ГКО не был чем-то экстраординарным.

17 августа 1923 г. из Совета труда и обороны РСФСР был образован Совет труда и обороны СССР (СТО). Председателями его были последовательно Ленин, Каменев и Рыков, а с 19 декабря 1930 г. – Молотов.

«27 апреля 1937 г. (почти одновременно с организацией узких руководящих комиссий в Политбюро) Политбюро приняло решение о создании Комитета обороны СССР при СНК СССР. Новый комитет фактически заменил Совет труда и обороны СССР (который был упразднен тем же решением от 27 апреля) и совместную комиссию Политбюро и СНК по обороне, работавшую с 1930 г. В Комитет обороны под председательством Молотова вошли семь членов (В.М. Молотов, И.В. Сталин, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, В.Я. Чубарь, М.Л. Рухимович, В.И. Межлаук) и четыре кандидата в члены (Я.Б. Гамарник, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Н.И. Ежов). Таким образом, Комитет обороны по своему составу в значительной мере совпадал с узкими руководящими комиссиями Политбюро. По сравнению с прежней комиссией обороны Комитет обороны имел более значительный аппарат. В декабре 1937 г. по этому поводу было принято специальное решение Комитета обороны, утвержденное затем Политбюро, которое предусматривало, что аппарат Комитета обороны должен готовить к рассмотрению в Комитете вопросов мобилизационного развертывания и вооружения армии, подготовки народного хозяйства к мобилизации, а также проверять исполнение решений Комитета обороны. Для контроля за исполнением решений создавалась специальная главная инспекция Комитета обороны, получившая широкие права, в том числе за счет упразднения отдела обороны Госплана и групп военного контроля Комиссии партийного контроля и Комиссии советского контроля»⁸⁹.

С момента существования Советской страны существовал орган, в функции которого, помимо оборонных задач, входил контроль за экономикой, а в случае войны он должен был организовать оборону СССР. Состав КО практически совпадал с партийной верхушкой, т. е. в случае войны оборону страны должна была организовывать партия и военными командовать – тоже она. И недаром СТО был преобразован в КО в апреле 1937 г., перед началом процесса антисоветской троцкистской военной организации («дело Тухачевского»), которая, по утверждению следствия, планировала военный переворот на 15 мая 1937 г. Армию предстояло «чистить», а без партийного главенства над армией это представлялось делом трудным.

Главой Комитета обороны до 7 мая 1940 г. был Молотов, сменивший Литвинова на посту наркома иностранных дел, Молотова же сменил Ворошилов. Членами Комитета обороны были, в частности, Кулик, Микоян и Сталин. В 1938 г. был создан Главный Военный Совет РККА, членом которого стал И.В. Сталин.

⁸⁸ Стаднюк И.Ф. Исповедь сталиниста. – М., 1993. С. 364.

⁸⁹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.

В дальнейшем по мере того, как Сталин продвигался к тому, чтобы совместить пост генсека ЦК ВКП(б) и должность Председателя СНК СССР, т. е. сосредоточить в своих руках и партийную, и советскую ветви власти в стране, продолжилось строительство нового, внеконституционного органа, который бы в случае необходимости мог взять себе всю власть в стране – установить практическую диктатуру

«10 сентября 1939 г. Политбюро утвердило постановление СНК и ЦК ВКП(б), более четко разделившее функции Комитета обороны и Экономсовета, прежде всего в оборонной сфере. /.../

Тенденция усиления роли Совнаркома особенно отчетливо проявилась в предвоенные месяцы. 21 марта 1941 г. было принято два совместных постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о реорганизации Совнаркома СССР, которые значительно расширяли права руководства правительства. [...]

Окончательно легитимация передачи прав СНК как коллективного органа высшим руководителям СНК произошла благодаря постановлению СНК и ЦК от 21 марта 1941 г. «Об образовании Бюро Совнаркома». Этот новый орган власти, хотя и не был предусмотрен Конституцией СССР, на основании постановления от 21 марта был «облечен всеми правами Совнаркома СССР». [...] Членами Бюро были назначены В.М. Молотов, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, А.А. Андреев.

Фактически Бюро Совнаркома взяло на себя значительную часть обязанностей, которые ранее выполняли Комитет обороны и Экономический совет при СНК. В силу этого Экономсовет постановлением от Бюро Совнаркома был вообще ликвидирован, а состав Комитета обороны сокращен до пяти человек. Функции Комитета обороны были ограничены вопросами принятия на вооружение новой военной техники, рассмотрения военных и военно-морских заказов, разработкой мобилизационных планов с внесением их на утверждение в ЦК и СНК [...]

7 мая Политбюро утвердило новый состав Бюро Совнаркома СССР: председатель СНК СССР И.В. Сталин, первый заместитель председателя СНК Н.А. Вознесенский, заместители председателя СНК В.М. Молотов, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис, а также секретарь ЦК ВКП(б), председатель КПК при ЦК А.А. Андреев. 15 мая 1941 г. в состав Бюро был введен заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК К.Е. Ворошилов и первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. 30 мая 1941 г. – секретари ЦК ВКП(б) А.А. Жданов и Г.М. Маленков. [...]

При Сталине произошло дальнейшее расширение прав Бюро Совнаркома. Например, 30 мая 1941 г. был упразднен Комитет обороны при СНК и вместо него организована постоянная Комиссия по военным и военно-морским делам при Бюро Совнаркома СССР в составе: Сталин (председатель), Вознесенский (заместитель председателя), Ворошилов, Жданов и Маленков»⁹⁰.

В общем, к началу войны партийная и советская – и вообще всякая власть принадлежала одним и тем же людям, а главным над ними был И.В. Сталин.

Когда Молотов предложил создать ГКО, он не предложил ничего нового. Он предложил создать временный, чрезвычайный орган, «которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции Правительства, Верховного Совета и ЦК партии». А власть в ГКО должна принадлежать «пятерке Политбюро» – Сталину, Молотову, Ворошилову, Маленкову и Берии⁹¹. Но этот новый орган, по сути, формально объединял уже существующие партийные и советские органы.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Раньше (в 1937 г., например) в пятерку входили Каганович с Микояном, но к началу войны их заменили Маленков с Берией.

Итак, примерно в 16 часов к Молотову пришли Микоян с Вознесенским, какое-то время заняло обсуждение, потом решили ехать к Сталину на дачу. Вот как приезд на дачу выглядит в «изначальных» воспоминаниях Микояна:

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Он вопросительно смотрит на нас и спрашивает: зачем пришли? Вид у него был спокойный, но какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин.

Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит.

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного комитета обороны. Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я (Берия)»⁹².

А вот как в «правленных».

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем пришли?» Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны. «Кто во главе?» – спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе – он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. «Хорошо», – говорит потом. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. «Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я», – добавил он»⁹³.

Возникает вопрос по сути – а может быть, Сталин и собирался всех созвать? Приехал бы в Кремль, кого надо созвал. Сталин часто приезжал в Кремль к 7 часам вечера, например, 23 июня он приехал к 18.45, 25 июня – к 19.40, а 28 июня – к 19.35.

А группа товарищей прибыла к нему как раз к этому времени, а то и раньше. Тем более – зачем бы Сталину ехать в Кремль и всех там собирать, если он, скорее всего, знал о том, что к нему собираются члены Политбюро в столь широком составе, в то время, когда они собирались выехать из Кремля. Вероятно, они со Сталиным созванивались, перед тем как к нему ехать.

Слова о том, что, дескать, у Микояна «не было сомнений: он [Сталин] решил, что мы приехали его арестовать», однотипны со словами Хрущева:

«Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию?»⁹⁴. И не вызывают ничего, кроме устойчивых сомнений.

Далее, вполне возможен вариант, что товарищи (Берия с Молотовым) придали подавленности Сталина (в беседе на даче в ночь с 29 на 30 июня) намного большее значение, чем ей придавал сам Сталин и чем она была в действительности. Мало ли людей вечером машут рукой и говорят – все надоело, а с утра спокойно продолжают делать свое дело? Конечно, Сталин вряд ли часто проявлял свои чувства перед соратниками, и более-менее яркое их проявление (а оснований было достаточно) могло всерьез напугать Молотова с Берией, но это не значит, что Сталин чувствовал именно то, что они ему приписали. С этой точки зрения удивление

⁹² 1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

⁹³ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

⁹⁴ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

Сталина неожиданным визитом вполне понятно. Может быть, Сталин после отъезда товарищей решил выпить вина, выспаться, а на завтра приступить к делам. А тут на следующий день – такая делегация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.